тате получается, что русский переводчик был «феноменальным выдумщиком», что он «использовал образ чешской княжны Либуши в интересах ...более удобной ... эксплуатации народных масс»; что он, в том же рассказе о Либуше, видел «противоречия внутри господствующего класса». Далее читаем, что «хронист умышленно ... фантастически окрасил причину ... смерти» короля Вацлава III, что воцарение Пршемысла — символ победы Ивана Грозного над непокорным боярством. В конце концов Г. Прохазкова называет «Хронику о Чешском королевстве» «сладким ядом, впрыскиваемым в жилы читателя» (!).

Несомненно, что с таких позиций подходить к произведению переводному — пусть оно и было своим идейным наполнением близким русскому литератору — никак нельзя.

Другая ошибка Г. Прохазковой заключается, по нашему мнению, в том, что она не обратила достаточного внимания на специфически литературные принципы изложения и отбора материала, которыми руководствовался составитель Хронографа («Изложение всемирной истории было подчинено в Русском хронографе чисто литературным, повествовательным задачам», — пишет Д. С. Лихачев[33]). Обращение составителя западнорусского Хронографа к европейской, и в частности чешской, истории обуславливалось в первую очередь усилением русско-европейских сношений, активизацией внешней политики Московского государства и т. п. Однако не следует забывать и о литературных достоинствах «Хроники о Чешском королевстве» (она была составлена Мартином Бельским на основе известной «Хроники» Вацлава Гайка), которая в древнейшей части представляет собой цепь законченных новелл с занимательным сюжетом. Таковы — хотя в тексте они друг от друга не отделяются — рассказы о праотце Чехе, Кроке, Либуше и ее пророчествах, легендарном вокняжении Пршемысла, девичьей войне и т. п. Следует учитывать, что русский переводчик, по-видимому, знал о вассальном, зависимом отношении Чехии к Священной Римской империи и все-таки включил в западнорусский Хронограф большую главу о Чехии, хотя это, пожалуй, и нарушало соразмерность частей всего сочинения в целом.

С гораздо большими основаниями можно говорить о литературных интересах русских переводчиков применительно к другим сочинениям XVII в., которые содержат тот же примерно материал, что и чешская часть Хронографа западнорусской редакции. Из них в первую очередь нужно назвать «Историю вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской», известную по двум спискам, и 6-ю главу 76-главной Космографии.

До последнего времени считалось, что оба эти произведения являются переработкой соответствующего раздела той же «Хроники всего света» Мартина Бельского (Й. Й. Первольф,[34] Й. Поливка,[35] А. Ф. Флоровский[36]) или во всяком случае компилятивным извлечением из каких-то польских источников (А. Брюкнер,[37] М. Мурко,[38] А. И. Соболевский[39]),

[33] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 335.

[34] И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 425—426, 456.

[35] Jiří Polívka. Česká kronika v ruské literatuře starší. — Časopis Českého Musea, R. LXV. Praha, 1891, стр. 303, 305.

[36] А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 79—82.

[37] Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów, 1906, стр. 82.

[38] M. Murko. Eine «Geschichte» von Böhmen in russischer Sprache. — Archiv für slavische Philologie, XIV. Berlin, 1892, стр. 158.

[39] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 94—95.